

Bepa

Скульптор (Нагорнов В.),
Александр Федосеев. 2008

Александр Ткаченко

Человек – игрушка Бога?

О Каине, Иуде, Иове и о нас

Письмо в редакцию

Здравствуйте!

Читаю Библию, и складывается такое впечатление, что человек для Бога – это просто игрушка. Как у ребенка, у Бога есть солдатики – наши и ненаши, есть любимые куклы, есть нелюбимые.

Чем Авель лучше Каина? А Бог, просто потому что Авель Ему симпатичнее, принимает его жертву, а жертву Каина не принимает. А в результате – первое в истории мира убийство. И в Новом Завете мы читаем, что у Христа был любимый ученик, которому Он открывал чуть больше, чем всем остальным. А Иуде, которому, по словам самого Христа, лучше бы и не родиться, ничего не сказал, никак не предостерег его. Получается, и Иуда стал здесь игрушкой, которой лишь суждено было исполнить какую-то роль. А то, что после нее ему осталось лишь удавиться... Ну так и поделом, правда?

Неприятно ощущать себя куклой, судьба которой целиком в руках невидимого Карабаса-Барабаса. Как-то даже начинаешь лучше понимать Буратино, сбежавшего от такого кукловода и открывшего за нарисованным на стене очагом новый, настоящий мир. Мир, где нет боли и страданий, никто не заставляет тебя плясать под дудку кукловода, все живут радостно и свободно.

Примечательно, как Бог ответил безвинному страдальцу Иову (причина всех его ужасных страданий была в споре Бога с сатаной, т. е. очередная игра): а кто ты такой, чтобы задавать вопрос Мне, Творцу мира? Горшок не спрашивает у горшечника, зачем ты меня слепил. Один горшок – для царских покоев, другой – для мусора. И все они все равно – просто горшки. И, скажем прямо, Иову еще повезло: мало к какому горшку горшечник явится лично, чтобы его пожурить. Ко мне вот пока что-то не заходил.

Владимир

Дорогой Владимир, как это ни странно прозвучит, но в Ваших сомнениях гораздо больше веры в Бога, чем неверия. Лишь верующий человек может возмущаться тем, что его Бог оказался не таким, каким он Его себе представлял. И возникнуть подобные вопросы могли только в равнодушном к Богу сердце. Мне они тоже когда-то не давали покоя. Я тоже возмущался отвержением жертвы Каина, страданиями Иова, судьбой Иуды. Не найдя ответов, я откладывал их на самую дальнюю «полку» в своем сознании, надеясь, что когда-нибудь Господь все же ответит мне на них. И постепенно эти ответы действительно приходили. Что-то было прочитано в книгах, что-то услышано в разговоре с умными людьми, а что-то с возрастом вдруг само открылось для понимания. Сейчас я уже твердо убежден в том, что люди для Бога не игрушки, что в любом, даже самом противоречивом и странном событии Священной Истории действует любовь Бога к человеку. Хочу поделиться с Вами найденными для себя ответами и очень надеюсь, что они в чем-то окажутся полезными и для Вас.

Каин. Ловис Коринт. 1917

Каин: печать милосердия

Если внимательно проанализировать все, что говорит о Каине Библия, то ключевым словом в определении его места в истории будет — «первый». Каин — первый ребенок Адама и Евы. То есть первый человек, не непосредственно сотворенный Богом, а родившийся от папы и мамы. Кроме того, он первый строитель — создатель первого города на нашей планете. Но, увы, не за это первенство люди вот уже несколько тысячелетий вспоминают его имя. Каин стал виновником первой смерти на Земле. Он убил своего брата.

Причиной этого убийства стало чувство, впоследствии много раз толкавшее людей на преступления — зависть. В Библии сказано, что Каин занимался земледелием, а его младший брат Авель пас овец. Когда пришло время, каждый из них принес в дар Богу результаты своих трудов: Каин — часть урожая, а Авель — лучших животных своего стада. Но Бог не принял жертву Каина. По преданию, на жертвоприношение Авеля сошел ниспосланный Господом огонь и оно, охваченное пламенем, устремилось к небу. А на дар Каина огонь, знаменующий угодность жертвы Богу, так и не сошел. И Каин очень огорчился. Одержимый завистью, он заманил брата в поле и убил его. За что и был проклят, заклеямен и изгнан с места, где он тогда жил.

Но почему Бог не принял жертву Каина? Понятно, что убивать брата в любом случае нельзя. И все же не было ли у Каина, если можно так выразиться, смягчающих вину обстоятельств? Ведь оба трудились, каждый принес Богу то, что имел, и вдруг такое разное отношение к жертвам! Может, Каину просто нужно было бросить свое земледелие и заняться скотоводством, раз Богу угодно, чтобы Ему приносили в жертву овец, а не пшеницу и кукурузу? Но ведь очевидно, что Богу вообще не нужны никакие приношения от людей. Все, что человек может принести Ему в дар, Им же и создано. И предполагать, будто Бог нуждается в баранине более, нежели в овощах, по меньшей мере несерьезно. Смысл жертвы совсем в другом.

Ведь когда ребенок угощает родителей сладостями из новогоднего подарка, который они же сами ему и купили, он может выбрать для них самые вкусные конфеты и зефирины, а может, отведя глаза в сторону, сунуть им пару слипшихся карамелек. И если он пожалел самое вкусное лакомство, прибегая к нему для себя, родителям есть от чего расстроиться. Но причиной этого огорчения будет тревога и горечь за свое чадо, которое растет жадной.

Так и с жертвой Богу — она нужна самому человеку, чтобы проявить свою любовь к Нему. Принося в жертву самое лучшее, человек как бы говорит: «Смотри, Господи, как я приумножил то, что Ты дал мне! Без Твоего благословения эти плоды никогда не стали бы такими прекрасными, возьми их часть Себе!» Так человек своей любовью и благодарностью отвечает на Божественную любовь и заботу. Так Авель принес лучших овец своего стада в дар Богу.

А что же сделал Каин? К сожалению, он поступил так же, как жадный ребенок на новогоднем утреннике, и принес свою жертву по принципу: «На тебе, Боже, что нам негоже». Свяtitель Иоанн Златоуст писал об этом так: «*Каин, сказано, принес от плодов земли жертву Господу. Потом, желая сообщить нам и об Авеле, божественное Писание говорит, что и он принес жертву от своего, пасту-*

Бог не принял плоды Каина, давая ему повод задуматься над причинами этого отказа и желая помочь разобраться в себе и вернуть в душу утраченную любовь.

шеского занятия: *принесе и той от первородных овец своих и от туков их.* Смотри, как Писание показывает нам боголюбивое его намерение и то, что он принес не просто от овец, но *первородных*, то есть, дорогих, отборных, далее, что от этих первородных он принес самое драгоценнейшее: *и от туков их*, сказано, то есть — из самого приятного, наилучшего. О Каине же ничего такого Писание не замечает, а говорит только, что он принес *от плодов земли жертву*, что, так сказать, попало, без всякого старания и разбора».

И, наверное, не так уж важно, что же именно принес Каин в жертву Богу. В любом случае ясно, что это была не лучшая часть его урожая, а значит, и о любви к Богу тут говорить не приходится.

Но, отвергнув его жертву, Бог вовсе не отверг его самого. Непринятие даров Каина было, если можно так выразиться, воспитательной мерой, призванной пробудить в нем сомнение в собственной правоте: ведь если Бог не принял твоей жертвы, значит, ты что-то делаешь не так. Бог не принял плоды Каина, давая ему повод задуматься над причинами этого отказа, желая помочь ему разобраться в себе и вернуть в душу утраченную любовь. Однако в отношениях человека и Бога далеко не все определяется действиями и намерениями Бога. Человек волен отвергнуть предложенную ему помощь, восприняв ее как оскорбление, и остаться наедине со своей обидой. Именно такой выбор, к несчастью, сделал Каин.

Бог не оставил его Своей любовью и после того, как он решил убить своего брата. Увидев, как один лишь замысел братоубийства уже изменил саму внешность Каина, Бог обращается к нему с такими словами: *...почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним* (Быт 4:6–7). Грех у дверей — образ мыслей Каина, которые всеведущий Бог провидел так же ясно, как мы слышим произнесенные слова. Мысль — дверь, веду-

щая к поступку. Мысль об убийстве — путь к убийству. Бог дал Каину понять, что замысел убить брата Ему известен. Однако при этом Бог не угрожает наказанием, а объясняет ему, словно маленькому ребенку, как должен вести себя человек, когда его одолевают нехорошие мысли: грех влечет тебя, но ты господствуй над ним. Но Каин снова отвергает этот совет и предупреждение. Мало того, даже убив своего брата, Каин все равно не захотел услышать призыв Бога, теперь уже — к покаянию в сделанном. *Где Авель, брат твой?* Это ведь очень страшные слова. Бог спрашивает его так вовсе не потому, что не знает, где Авель. «Что же ты натворил, Каин? Подумай, где теперь из-за тебя твой брат, опомнись!» — вот что звучало в этом, таком простом с виду, вопросе. Но Каин уже окончательно окаменел душой: *Не знаю, разве я сторож брату своему?* Так действует на человека совершенный грех: сердце становится невосприимчивым к голосу совести, разум мутнеет, и вот — уже самому Богу он готов врать.

И Бог осудил его на изгнание из родных мест и скитальчество, отметив его особым знаком, который впоследствии стали называть каиновой печатью. В чем она заключалась, сказать трудно. В Библии сказано только, что знамение это дал Каину сам Бог (отсюда, кстати, и пошла поговорка: «Бог шельму метит»).

Под каиновой печатью обычно понимают некое клеймо, подобное тем, которые выжигали на лбу у осужденных преступников. Однако Библия говорит совсем о другом. Знамение, данное Богом Каину, было вовсе не наказанием, а свидетельством того, что, несмотря на совершенное им преступление, он находится под защитой Господа. Более того, Бог нанес на него это знамение по просьбе самого Каина. Открыв счет человеческим смертям, он очень боялся, что в изгнании его самого могут убить. *И сделал Господь [Бог] Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.* Так Бог сразу пресек возможную череду убийств на почве кровной мести, которая могла бы разгореться среди первых людей. И пресловутая каинова печать — знак не гнева, а милосердия Божия, с которым Он относится ко всем людям без исключения. Даже к таким, как первый убийца на Земле — Каин.

Иуда: друг Христа

Двойственность евангельского образа Иуды очевидна. С одной стороны — это вор и предатель, которого любовь к деньгам привела к страшному преступлению. С другой — это несчастный человек, быть может — самый несчастный за всю историю человечества, которому, по слову Спасителя, лучше всего бы не родиться. Ученик, предавший своего Учителя на мучительную смерть и повесившийся от ужаса перед содеянным, — фигура, безусловно, трагичная. А любому нор-

мальному человеку свойственно сострадание даже к преступникам, терпящим наказание. Видимо, из этого нормального человеческого чувства и рождаются разнообразные попытки «оправдания» Иуды. В истории культуры их было довольно много, но суть таких попыток всегда сводилась к достаточно простому рассуждению: если Христос с самого начала знал, что Иуда предаст Его и затем повесится, то почему же Он все-таки избрал будущего предателя и самоубийцу в число апостолов? Не лучше ли было оставить его в покое, чтобы он спокойно прожил жизнь простого иудейского обывателя, не погубив душу предательством, и не вошел в историю человечества как самый презираемый ее персонаж? Видимо, Иуда был избран, чтобы стать слепым орудием Божьей воли, поскольку в деле Искупления нужен был и тот, кто предаст Христа на Распятие.

Эта нехитрая логика вот уже много столетий приходит на ум самым разным людям, поверхностно знакомым с евангельским текстом и церковным Преданием. И, наверное, не было бы в ней особой беде, если бы она с необходимостью не требовала от человека следующего шага в этом рассуждении: оправдывая таким образом Иуду, человек неизбежно будет вынужден обвинить Христа в его гибели.

Однако такие рассуждения, как уже было сказано, целиком являются результатом поверхностного прочтения Священного Писания. Достаточно прочесть Евангелие с должным вниманием, и сразу же станет очевидным — для совершения Своего Искупительного подвига Христос вовсе не нуждался в столь сомнительном орудии, как предатель. В самом деле, можно ли было тайком предать Того, Который знал об этом задолго до случившейся измены? Можно ли было с помощью вооруженной толпы схватить Того, Кто всего лишь одним словом мог остановить бушующий шторм и воскресить уже начавшего смердеть мертвеца? Христос — воплотившийся Бог, могущество Которого безгранично, и никакие человеческие усилия, интриги, козни не смогли бы нанести ему и малейшего вреда. Поэтому оказаться арестованным, избитым, униженным и распятым Христос мог лишь при единственном условии — если Он Сам решит предать Себя в руки людей-грешников. Именно об этом пишет святитель Иоанн Златоуст, разъясняя события той страшной ночи, когда Христос был схвачен храмовой стражей:

«Чтобы показать, что Он предан по Своей воле, послушай, что делает Он. В самый момент предательства, когда к Нему подошли вооруженные мечами и дреколием с светильниками и факелами, Он говорит последним: “кого ищите”? Они не знали даже, кого должны были взять. Вот насколько бессилён был Иуда предать Его: он не мог даже видеть Того, Кого намеревался предать, когда Он был тут, и это при светильниках и таком изобилии света. Что на это намекая именно, евангелист сказал, что у них были све-

тильники и факелы и они все-таки не могли найти Его, это видно из слов: “стоял и Иуда с ними”, тот, кто сказал: “я вам предаю Его”. Господь ослепил ум их, желая показать собственное могущество, и чтоб они сознали, что предпринимают невозможное дело. Потому, услышав Его голос, они отступили назад и пали на землю. Видишь, как они не могли даже вынести голоса и падением ниц явно обнаружили свое бессилие? Заметь милосердие Господа. Когда и этим Господь не тронул сердца ни бесстыдного предателя, ни неблагодарных иудеев, тогда Он предаёт Себя и как бы так говорит: когда Я показал, что они предпринимают невозможное, Я хотел удержать их безумие; но они не хотят и упорно продолжают оставаться в нечестии. Вот, Я предаю Себя».

Итак, для совершения Искупительного подвига Христос не нуждался в предательстве Иуды. Но для чего же тогда Он призвал его на апостольское служение? Священное Писание не дает на это прямого ответа. Но по некоторым свидетельствам все же можно хотя бы попытаться выстроить некое предположение на этот счет. Христос знает, что Иуда — потенциальный предатель, и все же берет его в Свои ученики. Христос знает, что Иуда — потенциальный вор, и все же поручает ему распоряжаться деньгами апостольской общины. Христос знает, что в Иуду войдет сатана, и все же дает ему власть над нечистыми духами, способность исцелять безнадежных больных, воскрешать мертвых. Зная, что Бог — благ, и желая всем только добра, из такого противоречивого поведения следует единственный вывод: Христос делал всё возможное, чтобы спасти Иуду от его будущих преступлений. Он окружил его самыми лучшими людьми, оказал ему максимальное доверие, наделил его духовными дарами, какие были лишь у величайших пророков. Но самое главное — Он Сам был рядом с Иудой целых три года неотлучно. Никто из когда-либо живших на земле людей не получал большего блага, чем Иуда Искариот, избранный Богом отнюдь не для предательства и гибели, но — для проповеди Евангелия и высочайшей славы. Когда в его сердце уже созрел ужасный замысел, Христос все равно не отвернулся от него, до последнего момента стараясь уберечь Иуду от предательства, давая ему возможность отказаться от своих намерений. И даже в сам момент предательства, когда Иуда ночью привел толпу вооруженных боевиков, чтобы выдать им Учителя, Христос делает еще одну попытку пробудить в предателе совесть: Он называет Иуду — другом.

Но, к сожалению, даже Бог не может помочь тому, кто не хочет помочь себе сам. Иоанн Златоуст пишет: «Каждый день Господь наполнял его делами и словами, внушая, что предатель не скрыт от Него. Не явно обличал его перед всеми, чтобы он не сделался более бесстыдным, и не молчал, чтобы тот, думая, что скрыт, не приступил к предательству без страха, но часто говорил: „один из вас пре-

Иуда не был игрушкой в руках Бога, он был Его другом, учеником и любимым чадом, за которое Бог боролся до самого последнего предела.

*Иуда. Николай Ге.
1870–1880-е гг.*

даст Меня” (Ин 13:21), — впрочем, не делая его известным. Много говорил Он и о геенне, много и о царстве, и в том и другом показывал Свою силу, и в наказании грешников и в награждении добродетельных. Но все это Иуда отверг, а Бог не влек его силой. Так как Бог создал нас господами в выборе и худых и добрых дел, и желал, чтобы мы были добрыми по своей воле, Он не принуждает и не заставляет, если мы не хотим. Потому

что быть добрым по принуждению не значит быть добрым. Поэтому, так как и Иуда был господином своих помыслов, и в его власти было не повиноваться им и не склоняться к сребролюбию, то он, очевидно, сам ослепил свой ум и отказался от собственного спасения».

Иногда говорят, что, увидев в Иуде потенциального предателя, Христос мог пройти мимо и оставить его жить по собственному разумению. Да, мог. Но если Он так не сделал, значит, были к тому очень серьезные основания, о которых мы просто не знаем. Бог каждого человека ведет по жизни путем, наиболее благоприятным для его спасения. Для Иуды этот путь оказался апостольским. Возможно, ростки греха, лжи и предательства настолько прочно укоренились в его душе, что никакие другие способы исцеления на него бы уже не подействовали. И тогда Христос взял Иуду к Себе в ученики. Так, в клинике одних больных ведут просто врачи, других, более тяжелых — доктора с ученой степенью, и лишь самых тяжелых и безнадежных берется лечить главный врач больницы, профессор с мировым именем. Просто потому что, кроме него, спасти таких больных не сможет уже никто.

Иуда не был игрушкой в руках Бога, он был Его другом, учеником и любимым чадом, за которое Бог боролся до самого последнего предела. Но, отвергнув помощь Христа, Иуда стал игрушкой в руках дьявола. И погиб.

Иов: вопрошающий Бога

Праведный Иов — один из самых необычных персонажей Священной Истории. Весь Ветхий Завет буквально напитан мыслью о том, что, живя праведно, человек получает от Бога благословения и живет счастливо. Если же он совершает грех, то эти благословения отнимаются, и человек начинает страдать от последствий своей греховной жизни. Но в истории с Иовом этот простой и понятный принцип вдруг перестает работать: Иов страдает как раз потому, что жил праведно. Причиной его бедствий стала зависть сатаны, который попытался доказать Богу, будто праведники соблюдают Завет с Ним лишь по причине корысти, ради тех самых Божьих благословений. Он предложил Богу страшный эксперимент, которым хотел доказать свою правоту: останется ли Иов праведным, если отнять у него все блага, которыми Бог так щедро наделил его? И Бог позволил сатане отнять у Иова все. Богатейший человек и счастливый отец в одночасье лишился своих детей, всего своего имущества, и даже здоровья: сатана поразил Иова неизлечимой болезнью — проказой. Вчерашний богач оказался лежащим на навозной куче, с черепком в руке, которым он соскребал с себя струпья. Но сатана ошибся в своих планах. Даже в таком бедственном положении Иов не отрекся от Бога и остался верен Ему. Однако и несправедливость происходящего для

Хочешь уйти — иди, но будь готов к тому, что тебе придется очень туго. Захочешь прийти назад, знай — Отец всегда тебе рад и примет тебя с любовью.

*Блудный сын.
Анна Маринова. 2005*

Иова была очевидна: ведь он не знал о споре сатаны с Богом. И тогда библейский праведник, потеряв в буквальном смысле все, чем обладал, — детей, богатство, и даже здоровье, — кричит, возмущается, требует у Бога объяснений происходящему: *Бог ниспроверг меня и обложил меня Своею сетью. Вот, я кричу: обиди! и никто не слушает; воюю, и нет суда* (Иов 19:6–7). Иов увидел, что жизнь утрачивает свои привычные смыслы, праведность теперь не охраняет его от страданий и бедствий, а зло безраздельно хозяйничает там, где ему не должно быть места. Он действительно почувствовал себя игрушкой в руках силы, с которой не мог бороться. Но возмущение его было обращено именно к

Богу, как к единственному источнику возможного ответа. И в голову не приходит ему сказать: «в такого Бога я верить не хочу». Потому что другого Бога быть не может, а значит — нужно выяснить отношения с Тем, Кто есть. Логика тут проста и очевидна: если у тебя претензии к Богу — выскажи их Ему, а не соседям по подъезду. Серьезные вопросы всегда нужно задавать по правильному адресу. Иначе вместо ответа рискуешь получить стандартный набор благоглупостей, все объясняющих, но не дающих пищи ни уму, ни сердцу. И нужно сказать, что Иов не был одинок в этом своем дерзновении — требовать у Бога объяснений видимой несправедливости. Христианские подвижники так же, как и ветхозаветные пророки, не боялись задавать Господу «неудобные» вопросы. Так, основоположник монашества преподобный Антоний Великий спрашивал Бога примерно о тех же вещах, которые возмущали Иова: «Господи! отчего некоторые из человеков достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте и живут мало? Отчего одни бедны, другие — богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и обилуют всеми земными благами, а праведные угнетаются напастями и нищетою?» Такие вопросы не могли родиться в равнодушном сердце, и вовсе не апатичная, удовлетворенная мертвыми логическими построениями душа болела от них. Но Антоний Великий не стал обсуждать мучившую его проблему с другими монахами. Подобно праведному Иову, он надеялся отыскать ее решение не в богословской дискуссии, а в молитве. И Бог ответил. Правда, ответ этот был неожиданным и совсем не похожим на то, чего обычно ждут люди в подобных случаях: «Антоний! Внимай себе и не подвергай твоему исследованию судеб Божиих, потому что это — душевредно». Вот и праведный Иов тоже услышал нечто похожее: *...где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. ...Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя? Такая ли у тебя мышца, как у Бога? И можешь ли возгреметь голосом, как Он? Укрась же себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие; излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое и смири его; взгляни на всех высокомерных и унизь их, и сокруши нечестивых на местах их; зарой всех их в землю и лица их покрой тьмою. Тогда и Я признаю, что десница твоя может спасти тебя* (Иов 38:4; 40:3–9).

И тот, и другой ответ, по сути, сводятся к известному всем еще с детства тезису — «не твоего ума дело». Но странная вещь: почему-то оба вопрошавших остались полностью удовлетворены таким необычным объяснением.

А причина этому, наверное, вот в чем. Вопрос о невинных страданиях мучает человека вовсе не потому, что наш разум не может логически совместить эти страдания с существованием всемогущего и всеведущего Бога-Любви. Это было бы еще полбеды — ну мало ли чего не получается

